

Козлиные сказки (Рославлев)

I. Козел

В той ли дальней земле, где сидят на царстве Гога да Магога — железные носы; за тем ли тыном из трех веретень Дурищи-Бабищи, Латефы-Манефы, что сама себе пятки обглодала меж рудых песков, по точеным камешкам бежит речка «Смородина», глубокая-преглубокая.

Ходит у речки рыжий козел, бороду мочит, броду ищет.

Выплывают водяницы на козла посмотреть, козлиных сказок послушать — тело девичье тонко, да гибко, что ивовый прут, а рыбий хвост серебром отливает:

— Козел-козлище, метла бородище, а хочешь, скажем, где мелко?

Уставится на них Козел, а вода с бороды кап... кап... кап...

— Слышь, аль нет, хочешь, скажем, где мелко?

И смеются, словно их кто щекочет.

— А где?

— То-то, где. Расскажи наперед сказку — покажем.

— Знаю я вас. Покажете, как намедни.

— Вот те, черт, покажем.

Сядет Козел по-собачьи, на задние лапы, брюхо копытом почешет и начнет сказывать.

Взявшись за руки, подплывут водяницы к самому бережку и слушают — глаза большие, зеленой осоки и мутные.

Каких только Козел сказок не знает, и так то у него все складно выходит, а присказки, — ох, и чудные, со смеху помереть.

Трень-брень, старый пень,

Надел шапку набекрень.

Не велика, не мала

Шла корова...

Визг, брызг на смородине, кулики да утки в подоблачье, а рыба-рыбешка в тину на дно.

Кончит Козел сказку и спрашивает по уговору:

— Показывайте теперь, где мелко.

— А здесь близко, беги за нами, не отставай.

Плеснут хвостами и поплывут, а плавают-то быстро, еле-еле Козлу угнаться. Устанет Козел, глаза вылупит.

— Ох, заморился. Далече еще?

— Здесь, Козлище, здесь, бородища.

А сами только шеями вертят, да пузыри пускают. Остановится Козел, чуть с ног не валится.

— У, чтоб, вас, проклятые. Нет моей моченьки.

— Зря бранишься, у брода стоишь.

Только Козел с берега ступит, схватят они его за бороду, да все разом как дернут.

Он-то упирается, головой крутит, а им потеха. Искупают Козла и под воду.

Выскочит Козел на берег сам не свой и опять броду искать, а где на «Смородине» брод, одни омуты.

II. Латефа-Манефа

Сидит Латефа-Манефа на печи, веником дым разгоняет, в трубе ворона гнездо свила, — влезть бы на крышу, да трубу-то вычистить, — Латефе-Манефе невдомек, такая дурища.

— И с чего это, — думает, мне так глазыньки ест?

Слезы, что горох из мешка, а на догадку ума нет.

Вытопится печь, станет Латефа-Манефа хлебы сажать, — не тем концом лопату сует. Упрется лопата, хлебу дальше шестка ходу-то и нет, а Латефа-Манефа стоит сокрушается:

— Мала — печка-то.

Голова у Латефы-Манефы с пивную корчагу, да со сквозниной, и нет в ней ничего, окромя копоты.

Из-за долгих волос всклокоченных, в грязи валеных, Латефе-Манефе свету не видать.

Ходит Латефа-Манефа раскорячившись, брюхо волоком тащит, носом землю роет.

Позвал раз черт Латефу-Манефу в гости.

Собралась бабища — сборы-то у нее недолгие. Лапти на ухо повесила, да и пошла.

Идет луговиной скошенной — колко; ельничком да березничком — дерко; стежкой болотной — мокро.

Ей бы лапти надеть, а она села на станежник[1] и давай пятки грызть. Грызла, грызла, до кости догрызла и пришла к черту без пяток.

— Не способно, — говорит, к тебе идти. Знала бы, не пришла.

А черт выколотил трубку о копыто, когтем выскоблил и смеется:

— А ты бы на левое ухо лапти-то повесила. Живо бы дошла.

— Ишь ты. Кабы знать-то...

Стал черт Латефу-Манефу потчевать, поставил перед ней миску с петушиными гребешками. Самое это у чертей сладкое кушанье. Гребешки-то от тех черных петухов, которых при колдовании режут.

Взяла Латефа-Манефа миску, да всю сразу в рот и опрокинула. Черт даже облизнуться не успел. Жарил-парил и отобедать не пришлось.

«Позвал, — думает, — шкуру, — этакая гостья и хозяина слопает. Постой, я те угощу».

— Хороши?

— И-и — какие... — и глазища закатила.

Ушел черт с миской — приносит полну железных желудей.

— Вот, откушай — то была еда, а это на заедочку.

Схватила Латефа-Манефа и не желудей, ни миски, только хрустнуло.

— Чтой-то, — говорит, — быдто я косточку проглотила.

Почесал черт переносье, поглядел на Латефу-Манефу, искоса, да боком от нее, боком шмыгнул за дверь, морду стрелкой и ходу, а уж он ли нс видал нечисти.

Пождала, пождала Латефа-Манефа, лапти с правого уха на левое перевесила и пошла домой...

Пришла и завалилась на печь. Изба от храпа ходуном заходила — заскрипели на ней железные обручи.

Брюхо у Латефы-Манефы до полу свесилось — забурчало, — поглядеть, да плюнуть...

Вот она какая, Латефа-Манефа.

III. Домовой

Сидел голодный мужик в избе нетопленной. Тужил да думы думал... Живот веревкой перетянул, инда в глазах замурашило, и все есть охота.

Промаялся до ночи, ударил кулаком по столу: «Скручусь, — говорит, — с домовым, коли такое дело», — надел шапку и к кузнецу.

Темень была, своего пальца не увидишь, а звезды такие острые, что глазам больно.

Ущипнул мороз за щеку, да за другую, да за нос, стрельнул под рубаху. Живо мужик добежал до кузницы.

Видит — не спит кузнец — железо калит, меха раздувает.

Поклонился мужик:

— Бог на помочь.

Забурчало в огне, завило его вихрем, и весь жар раскидало.

Плюнул кузнец с досады:

— Кол, тебе, дураку, в глотку. Я черту подкову кую, а он такие слова. Сказывай живей, с чем пришел.

Испугался мужик, еле языком ворочает:

— Хочу с домовым скрутиться. А где его взять? Окромя тебя, спросить некого. Сам знаешь.

— Домового тебе? Возьми из подлаза веник, оберни его в тряпку, а вместо головы репу насади. Зарежь черного петуха и ступай в овин. Стань лицом в левый угол, окропи веник петушиной кровью и покличь до трех раз. Тут тебе домовой и объявится. Только смотри, он без дела сидеть не будет. Не дашь работы, задушит.

— А как покликать-то?

— Как покличешь, так и ладно. Хоть Иваном, хоть Федором.

Сказал мужик спасибо, пошел, украл у соседа с насеста черного петуха и сделал все, как говорил кузнец. Первый раз покликал, не отозвался домовой, и другой то же, а в третий, как крикнул:

— Иван...

Заворошилось в углу, вырос веник под самую слягу, была репа и нет — пышет огнем голова лошадиная, ощеренная.

— Я здесь, — ржет, — давай работы.

Затрясся мужик — со страху память отшибло.

— Давай работы, — и тянет к мужику лапы, шестипалые, волосатые.

— Испеки пирог с кашей.

Кинулся мужик из овина в избу — глядит: уж пирог на столе, а домовой с печи лезет:

— Давай работы.

Замешкался мужик — туда, сюда:

— Сготовь бочку денег.

Только сказал — загрохотала, покатила по полу медная бочка.

Мужик диву дался, и рад и не рад; больно-то шустр домовой.

А тот опять:

— Давай работы.

Смекнул мужик, что ежели не обойдет домового, пропасть ему.

— Растопи, — говорит, — снег, покажь ночью солнце, — а сам к окну.

Видит — тает снег. Заиграло в лужах вешнее золото и капель с крыш закапала. Высыпал народ на улицу — пошел толк, перетолк: «Что за чудо чудное, по зиме весна, ночью солнце».

Мужик ажно на лавку повалился. Идет на него домовой.

— Давай работы — дава-ай.

Увидал мужик на дворе собаку. Эх, думает, сейчас помирать — поживу еще маленечко.

— Раскрути псу хвост.

Домовой на двор, выдрал хвост с куском мяса и стал раскручивать.

Вытянет, разгладит его, а он опять свернется.

Бился, бился, плюнул:

— Твое, — говорит, — мужик, счастье, — и провалился сквозь землю.

Прожил мужик до старости в чести и богатстве — рассказывал-растабаривал, как домового перехитрил, а куцую собаку за родную мать почитал.

То ли еще бывает.